История медицинских и правовых взглядов на психическое здоровье преступника (XIV—XIX вв.)

ХАБРИЕВ Рамил Усманович, директор Национального НИИ общественного здоровья им. Н. А. Семашко, академик РАН, доктор медицинских наук, доктор фармацевтических наук, профессор

105064, Россия, г. Москва, ул. Воронцово поле, 12

E-mail: institute@nrph.ru

СПАСЕННИКОВ Борис Аристархович, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А

E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Роль психопатологии в генезе преступного поведения привлекает внимание представителей медицинской и правовой наук, психологии, социологии и философии во всем мире на протяжении многих веков. Психическая патология оказывает существенное влияние на интеллектуальную и волевую сферы человека, т. е. может играть определенную роль в патогенезе преступного поведения. Научно обоснованное решение этой проблемы определяет права и обязанности государственных институтов по защите общества от преступных посягательств душевнобольных и оказанию им психиатрической помощи. Интерес к этой проблеме вызван тем, что в различных регионах России количество лиц, признанных судом вменяемыми, существенно различается (от 85 до 97%), что противоречит данным о распространенности психической патологии в соответствующих субъектах Российской Федерации.

В статье рассмотрено развитие учения о правовой оценке психической патологии у преступника. Исследовались отечественные нормативные акты, среди которых Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649), Артикул Петра I (1716), Свод законов (1832), Уложение о наказаниях (1845) и др. Представлен анализ научных публикаций исследуемого исторического периода, который свидетельствует, что развитие учения о вменяемости неотрывно от эволюции взглядов на этиопатогенез и клинику психических заболеваний. Теория вменяемости преступника развивалась весьма медленно. Лишь в XV—XVI вв. судьи начали учитывать состояние психического здоровья подсудимого. Ошибочные взгляды на механизм психической патологии в различные периоды времени определяли возникновение подчас противоположных правовых норм. 23 апреля 1801 г. гуманистическое отношение к душевнобольным преступникам было окончательно закреплено Указом Александра I. Правовая оценка психического здоровья преступника была дана в проекте нового Уголовного уложения, нормы которого отражали позицию российской медицинской науки того времени. Однако определение вменяемости в законе отсутствовало.

Ключевые слова: история науки, история права и государства России, история медицины, психические заболевания, вменяемость, невменяемость.

History of Medical and Legal Views on the Mental Health of a Criminal (XIV—XIX Centuries)

R. U. KHABRIEV, director of the Semashko National Research Institute of Public Health, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of medical sciences, doctor of pharmaceutical sciences, professor

12, Vorontsovo pole st., Moscow, Russia, 105064

E-mail: institute@nrph.ru

B. A. SPASENNIKOV, chief research fellow of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of legal sciences, doctor of medical sciences, professor
15A, Narvskaya st., Moscow, Russia, 125130
E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

The role of mental disorders in the genesis of criminal behavior attracts attention of doctors, lawyers, psychologists, sociologists and philosophers. Mental disorders have a significant impact on the intellectual and volitional spheres of a human. They play a certain role in the pathogenesis of criminal behavior. Science-based solution to the problem determines the functions of the state to protect society against crime patients with mental disorders. Interest in this problem is determined by the fact that in various regions of Russia the number of persons recognized by the court of sound mind varies considerably (from 85 to 97%). This contradicts to the data on the prevalence of mental disorders in constituent entities of the Russian Federation.

The article deals with the emergence and development of the doctrine of mental disorders in the criminal. The authors studied Russian laws in 1649, 1716, 1832, 1845 and others. The development of the doctrine of mental disorders is inseparable from the evolution of views on the mechanism of mental illness. The theory of insanity offender has evolved very slowly. In XV–XVI centuries judges began to take into account the mental state of a criminal. Wrong views on the mechanism of mental disorders in different periods of time determined by the emergence of various laws. April 23, 1801 a humanistic attitude towards the mentally ill criminals was confirmed by the Decree of Alexander I. The legal assessment of the criminal mental health was given in the draft of the new Criminal Code in 1903. Provisions of this law reflected the position of the Russian medical science. However, the definition of legal sanity was absent.

Keywords: history of science, history of domestic law and state, history of medicine, mental disorders, sanity, insanity.

DOI: 10.12737/article_5a200503959af6.48000991

Значение психического здоровья или, напротив, психопатологии в генезе и профилактике преступного поведения, а также проблема правовой оценки преступлений, совершенных лицами, страдающими психической патологией, привлекают внимание представителей медицинской и правовой наук, психологии, социологии и философии на протяжении многих веков во всех странах. Этой проблеме посвящены научные конференции, проходившие в Москве, Санкт-Петербурге, Лондоне, Риме, Нью-Йорке¹.

Скромность полученных медицинской наукой научных результатов, недостаточное понимание соотношения медико-биологических и социальных корней преступного поведения определяют различные, а подчас противоположные подходы к оценке значения психической патологии лиц, привлекаемых к уголовной ответственности в различных

странах². Уголовный кодекс России в отличие от уголовных законов ряда других стран, к сожалению, не раскрывает определение вменяемости, упоминая только вторичное понятие состояния невменяемости больного, страдающего тяжелой психической патологией. В фундаментальных медицинских и правовых трудах определение понятия вменяемости нередко отсутствует. В результате в различных регионах России количество лиц, признанных судом вменяемыми, существенно различается (от 85 до 97%), что противоречит данным о распространенности нервно-психической патологии в соответствующих субъектах РФ³.

² См.: Официальный монитор Республики Молдова. 2009 г. 14 апр. № 72-74. Ст. 195; Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 1996. № 9. Ст. 144; Казахстанская правда. 2014. 9 июля. № 132 (27753); Эркин-Тоо. 1997. 24 нояб. № 96; Code pénal. Marseille, 2012; Straffeloven. København, 2013; Criminal Code Act. Melbourne, 2011.

¹ См.: *Malkinen B. A.* Criminal Behavior and Mental Disorders. N. Y., 2014. P. 54.

³ См.: *Козаченко И. Я., Спасенников Б. А.* Вопросы уголовной ответственности и нака-

Объект исследования настоящей статьи — правоотношения, регулирующие уголовную ответственность лиц, страдающих психическим заболеванием (XVI—XIX вв.); развитие медицинских и правовых взглядов на психическое здоровье преступника, подлежащего уголовной ответственности. Предмет исследования — нормы, определившие регулирование уголовной ответственности лиц, страдающих психическим заболеванием в России (XVI—XIX вв.).

Материал и методы. Источниковая база исследования многообразна как по принадлежности, так и по масштабности. Во-первых, это акты органов государственной власти (XVI—XIX вв.), которые определяли уголовную ответственность преступников, страдающих психическими заболеваниями. Среди них Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., Артикул воинский Петра I 1716 г., Указ Александра I от 23 апреля 1801 г., Свод законов 1832 г., Уложение о наказаниях 1845 г., Уголовное уложение 1903 г. Во-вторых, большую ценность для исследования темы представляют публикации рассматриваемого исторического периода.

Многоаспектность объекта исследования делает невозможным использование какого-то одного метода познания. Методологическая основа исследования построена исходя из ее понимания как комплексного подхода к способам теоретического освещения фактического материала. Она опирается на диалектико-материалистический и конкретные, специальные (историко-медицинский, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический и иные) методы исследования, важнейшие принципы научного познания, позволяющие рассмотреть изучаемое явление в развитии, единстве

и взаимосвязи ее составных частей, выявить закономерности последовательности событий.

Результаты и обсуждение. Теория вменяемости преступника развивалась весьма медленно по сравнению с другими медицинскими и правовыми учениями. Первоначально, в IX—XIV вв., возникло положение о «физическом вменении», которое предусматривало наказуемость действий, совершенных «без верного решения важнейшего вопроса о том, участвовала ли воля лица в совершении этого злодеяния»⁴, т. е. больные с тяжелой психической патологией подлежали уголовному наказанию на общих основаниях без учета влияния галлюцинаторных переживаний, бредовых идей на поведение во время совершения злодеяния.

Лишь в XV—XVI вв. под влиянием развития медицинской науки о роли психики в поведении человека судьи начали учитывать состояние психического здоровья подсудимого, высказанное приглашенным в суд врачом, оценивающим способность к «разумности» виновного. Появление и развитие учения о «психическом вменении» привело к появлению и последующему развитию теории судебной и социальной психиатрии. Больные с нервно-психическими заболеваниями, совершившие преступления, на основании заключения врача в ряде случаев стали признаваться ненаказуемыми.

Ошибочные взгляды на причину и механизм психической патологии в различные периоды времени определяли возникновение подчас противоположных правовых норм в отношении такого рода больных. Первоначально в психическом заболевании видели «божеский гнев» либо «мучение человеческой души грехами»⁵. Поэтому в XIV—XVI вв. пси-

⁴ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867. С. 87—92.

⁵ См.: Коровин В. А. О значении исследования психического состояния подсудимого. М., 1889. С. 36—43.

зания лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Государство и право. 2001. № 5. С. 71—75.

хическая патология подразделялась на три группы душевных болезней: 1) определяющие отсутствие вменения (например, глубокое слабоумие больного, совершившего незначительную кражу); 2) «богохульные», которые вменяемость предопределяли, так как симптомы психической болезни и признаки преступления совпадали. Например, «демоняны» с галлюцинаторными и бредовыми синдромами религиозного содержания подлежали мучительным пыткам и устрашающей казни; 3) определяющие невменяемость при совершении незначительных преступлений, но предопределяющие ответственность в случае совершения преступлений против царя или членов его семьи, Российского государства, православной церкви, а также других тяжких преступлений (отцеубийство и др.)⁶. К такой нервно-психической патологии относилась, например, эпилепсия (падучая болезнь).

Развитие медицинских взглядов в середине XVII в. привело к тому, что в 1667 г. в отечественном праве с учетом мнения придворных врачей появилось новое положение о невменяемости больного со слабоумием: «А ежели кто есть юродивый от рождения... помиловать того подобает, человеколюбия ради». В 1669 г. в «Новоуказных статьях о татьбах, разбойных и убийственных делах» говорилось, что «ежели бесный смерть причинит», то «не повинен будет он в смерти»⁷. При подготовке этого Уложения были использованы достижения правовой и медицинской наук Византии и Восточной Европы. По нашему мнению, в тот историко-медицинский период к «бесом одержимым» относи-

лись больные не только с бредовыми идеями религиозного содержания, но и с другой тяжелой нервно-психической патологией. Однако исторические документы XVIII в. приводят примеры жесткого наказания больных. Так, в 1671 г. был повешен по решению суда душевнобольной И. Клеопин. В 1697 г. к «наказанию кнутом» был приговорен О. Моисеев, хотя был «в неуме, дураковат, нем и глух»⁸.

Первое наиболее известное медицинское обследование подсудимого в отечественном судопроизводстве описано в 1690 г., когда был освидетельствован неизвестный, называвший себя сыном царя Ивана IV Васильевича. Для этого были приглашены три выпускника медицинских факультетов европейских университетов, служившие врачами при русском дворе. Они написали свое заключение о психическом заболевании подсудимого на латинском языке — языке римского права⁹.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича (с «новоуказанными статьями»), действовавшее почти 200 лет, было существенно изменено в ходе Петровских реформ, роста влияния представителей европейской медицины при русском дворе. Артикул 1716 г., утвержденный Петром I Алексеевичем в Данциге, — это первый отечественный закон, оценивающий злодеяния душевнобольных с учетом положений европейской медицинской науки того времени. Царь сам написал толкование к артикулу 195: «Если кто ... в лишении ума воровство учинит, то наказание умалется или даже весьма отстраняется»¹⁰. В тот исторический период под воровством понимались все преступления. Однако по делу бывшего офицера Левина

⁶ См.: Барышев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841. С. 42—44.

⁷ Морозов Г. В., Луц Д. Р., Фелинская Н. И. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. М., 1976. С. 38—47.

⁸ Барышев С. И. Указ. соч. С. 72.

⁹ См.: Морозов Г. В., Луц Д. Р., Фелинская Н. И. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ Луц Д. Р. Проблемы невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. С. 28.

1722 г., ушедшего в монастырь, который рассказывал «около церкви и на торговой площади» о том, что Петр I «есть Антихрист, пришедший на Святую Русь», монаха признали душевнобольным, но «вора» предали смертной казни¹¹.

Александр I Павлович, внук Екатерины II, воспитывавшей его на уважении к Петровскому наследию, европейским гуманистическим принципам, стал инициатором принятия ряда актов, основанных на научных взглядах конца XVIII — начала XIX в. 23 апреля 1801 г. он подписал Указ «О непредании суду людей, поврежденных в уме, учинивших смертоубийство в сем состоянии». Указ требовал, что таких больных «через врачебную управу следует удостоверить», а при подтверждении тяжелого психического заболевания госпитализировать «в дома для безумных»¹².

Под влиянием этого Указа в середине XIX в. в русской научной литературе появилось понятие «невменяемость». Все преступления были подразделены на вменяемые для психически здоровых и невменяемые для душевнобольных¹³.

Один из наиболее образованных людей своего времени, видный государственный деятель М. М. Сперанский, начавший свою службу при Александре I, весьма интересовался не только общественными науками, но и медициной, что нашло отражение в ст. 365 и 366 Свода законов 1832 г., подготовленного под его руководством. В Своде было записано, что преступление, «учиненное в безумии и сумасшествии, не вменяется в вину»¹⁴.

Следующий этап развития медицинских и правовых взглядов на

психическое здоровье преступника связан с царствованием Николая I Павловича, последнего внука Екатерины II, родившегося при ее жизни. Николай I утвердил 15 августа 1845 г. Уложение о наказаниях. Статьи 95, 96, 97 Уложения сформулировали невменяемость преступления, которое совершено «сумасшедшим или безумным от рождения», если больной во время его совершения не мог осознать «противозаконность и само свойство своего деяния». Тяжелые хронические психические заболевания и «врожденное слабоумие» были предусмотрены ст. 95; острые психотические состояния — ст. 96. Согласно Уложению врачу, осматривающему подсудимого, полагалось исследовать вопрос, мог ли больной во время совершения преступления понимать «противозаконность и само свойство своего поведения»¹⁵.

Эти нормы Уложения были сформулированы под влиянием взглядов лейб-медика, действительного тайного советника И. Ф. Рюля, активно развивавшего в Санкт-Петербурге помощь больным с психическими заболеваниями. Положения о невменяемости преступлений, совершаемых душевнобольным, были сформулированы так, что они предусматривали не перечень различных психических заболеваний, а принципиальное положение, что психическая патология, «уничтожающая» в больном вменяемость, является основанием, исключающим наказание, что в то время было большим шагом в развитии медицинской и правовой наук.

Доктор И. Ф. Рюль и его коллеги, консультировавшие разработчиков Уложения, называли «познавательную способность разума» свои действия и понимать их противозаконность и наказуемость¹⁶ как обязательное условие привлечения к уго-

¹¹ См.: Гризингер В. Душевные болезни. СПб., 1875. С. 62.

¹² Полное собрание законов Российской Империи. Т. 15. СПб., 1832.

¹³ Подробнее об этом см.: Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань, 1820. С. 92.

¹⁴ Кистяковский А. Ф. Указ. соч. С. 59.

¹⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

¹⁶ Там же.

ловной ответственности. С позиций современного развития науки можно сказать, что они указали только на интеллектуальный признак вменяемости, без упоминания волевого признака это было ошибочным.

Отметим, что в том же 1845 г. немецкий психиатр В. Гризингер дал определение психиатрии как учения о распознавании и лечении психических болезней¹⁷. В контексте нашего исследования необходимо упомянуть, что в 1847 г. Г. Г. Блосфельд подготовил первое отечественное судебно-медицинское пособие. Он определил вменяемость как состояние психики человека, «когда он подвергается ответственности перед законом за свои действия и поступки»¹⁸, что не соответствует современным представлениям судебной и социальной психиатрии¹⁹.

В конце исследуемого нами исторического периода, т. е. в конце XIX в., профессор права Н. С. Таганцев предложил новое определение понятия состояния невменяемости: состояние, при котором больной утрачивает «способность ко вменению» под влиянием психической болезни²⁰, что весьма неопределенно. Вместе с тем Н. С. Таганцев подготовил проект нового Уголовного уложения, которое было утверждено Николаем II позже, в начале XX в. (1903 г.). Вероятно, под влиянием взглядов В. М. Бехтерева в проекте ст. 39 Уголовного уложения сказано: «Не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое во время его учинения не могло понимать свойство и значение совершенного или руководить поступка-

ми вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, бессознательного состояния или же умственного недоразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни»²¹, что отражало позиции медицинской науки того времени и легло в основание многих нормативных актов XX в.

Заключение. Исследование, охватывающее шестивековую исторический период, показывает, что психическая патология оказывает существенное влияние на волевою и интеллектуальную сферы человека, что имеет определенную роль в патогенезе преступного поведения. Психическое заболевание может предопределять сниженную способность больного прогнозировать отдаленные последствия своих действий, а также осознанно руководить ими. При этом больной подчас не лишен полностью произвольности и сознательности поведения. Способность осознавать свои действия, руководить ими подчас не утрачена полностью, но по сравнению с нормой существенно уменьшена. Научно обоснованное решение этой проблемы позволит определить права и обязанности государственных институтов, во-первых, по защите общества от преступных посягательств душевнобольных и, во-вторых, по оказанию им психиатрической помощи, в том числе принудительной.

Развитие медицинских и правовых взглядов на состояние психической сферы преступника позволило весьма точно сформулировать понятие состояния невменяемости в отечественном законе в конце XIX в. В этом определении присутствовали волевой и интеллектуальный критерии («не мог понимать свойство и значение совершенного или руководить поступками»), нозологический критерий («болезненное расстройство душевной деятельности, бессознательное состояние или

¹⁷ См.: Гризингер В. Указ. соч. С. 82.

¹⁸ Блосфельд Г. Г. Начертание судебной медицины для правоведов. Казань, 1847. С. 48.

¹⁹ См.: Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. К определению понятия «вменяемость» в уголовном праве // Государство и право. 2008. № 6. С. 27—32.

²⁰ См.: Таганцев Н. С. Курс Русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. С. 38.

²¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

же умственное недоразвитие, происшедшее от телесного недостатка или болезни»). Однако определение вменяемости первично, а определение состояния невменяемости вторично.

Взаимодействие зарубежных представителей правовой и медицинской наук позволило ввести определение вменяемости в законодательство ряда иностранных государств. Однако в российском законе это пер-

вичное по отношению к состоянию невменяемости понятие до сих пор отсутствует.

Анализ исторического опыта позволяет сегодня сформулировать определение вменяемости как способность лица к осознанно-волево-му поведению во время совершения деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса России, что целесообразно закрепить в отечественном уголовном законе.

Библиографический список

- Malkinen B. A. Criminal Behavior and Mental Disorders. N. Y., 2014.
- Барышев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841.
- Блосфельд Г. Г. Начертание судебной медицины для правоведов. Казань, 1847.
- Гризингер В. Душевные болезни. СПб., 1875.
- Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867.
- Козаченко И. Я., Спасенников Б. А. Вопросы уголовной ответственности и наказания лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Государство и право. 2001. № 5.
- Коровин В. А. О значении исследования психического состояния подсудимого. М., 1889.
- Лунц Д. Р. Проблемы невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966.
- Морозов Г. В., Лунц Д. Р., Фелинская Н. И. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. М., 1976.
- Полное собрание законов Российской Империи. Т. 15. СПб., 1832.
- Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань, 1820.
- Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. К определению понятия «вменяемость» в уголовном праве // Государство и право. 2008. № 6.
- Таганцев Н. С. Курс Русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

Криминализация незаконного вознаграждения: возврат к истокам или антикоррупционная новелла?

СЕМЫКИНА Ольга Ивановна, старший научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: semykola@yandex.ru

В контексте указания в Национальном плане противодействия коррупции на 2016—2017 гг. на разработку научных исследований, касающихся снижения уровня бытовой коррупции, рассматриваются перспективы криминализации в Уголовном кодексе Российской Федерации специального состава — получения незаконного вознаграждения лицами, не являющимися субъектами мелкого коммерческого подкупа (ст. 204²) и мелкого взяточничества (ст. 291²).

В рамках исследования акцентируется внимание на новейшем опыте регламентации получения незаконного вознаграждения в законодательстве Белоруссии, Молдовы и Кыргыз-